

Игорь Булатовский

Совсем не так

Игорь Булатовский

Совсем не так

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=36330697

ISBN 9785449328700

Аннотация

В книгу петербургского поэта Игоря Булатовского вошли стихотворения и поэмы 2017–2018 годов. Игорь Булатовский – автор шести поэтических сборников, стипендиат премии Губерта Бурды для молодых поэтов из Восточной Европы (2005), шорт-листер премии Андрея Белого (2010), стипендиат Фонда Иосифа Бродского (2017).

Содержание

«стоят на горке две доски...»	5
Бабка в Венеции	8
«Видавшему виды – тоска по зубцам...»	17
Вариация	18
«Слева – церковь, справа – колодец...»	20
«– Мужик, те чо?..»	21
«Прекрасные ветки и медленный снег...»	23
«Как научился рифмовать...»	25
«Черной школьной зимой...»	26
Песни о простых людях	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Совсем не так

Игорь Булатовский

© Игорь Булатовский, 2018

ISBN 978-5-4493-2870-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«стоят на горке две доски...»

посвящается хню

стоят на горке две доски
а третья поперек
ворота слов не широки
зато проем высок

заходишь в них и видишь всё
как будто в первый раз
глядишь себе на то на сё
и не отводишь глаз

ты был дурак а стал дурак
но это не беда
зато теперь вкусней табак
теперь мокрей вода

садился раньше на горе
ошорохорошо
теперь сидишь как бы горé
ошорохорошо

кругом тебя трава звучит
как поцелуй крепка

и хер-поймешь многоочит
бодает облака

растут воздушные столбы
до темени небес
и мальвы подставляют лбы
идущему сквозь лес

и как ты что ни назовешь
оно теперь твое
и ты ничто как назовешь
на вдохе ё-моё

и вот бежит оно к тебе
как ты бежишь к коню
а на коне сидит себе
и лапкой машет хню

и ты выходит из ворот
бежит к ее ногам
с коня снимает и ведет
в пустой и дикий храм*

* а построил этот храм-с
даниил иваныч хармс**

** александр иван'ч введенский
монастырь построил женский

XI—XII, 2017, Венеция

Бабка в Венеции

I.

Вот тебе, бабка, мои глаза.
Видишь – туман и чего-то за
ним? Так рифмует Бродский И. А.,
так рифмую теперь и я —
ослик Иа, вернее, и. о.,
здесь исполняя обряд того,
кто здесь был счастлив. А кто бы не?
Даже последняя тварь на дне.

II.

В общем, туман, да не тот пока.
В том, говорят, не видна рука,
если держать ее при ходьбе
вытянутой вперед (к тебе?)
или протянутой... Но кому?
Немо, Ему, Немому, Му-му —
чтоб их вытащить из воды
цвёта зеленой, слепой слюды?

III.

Да, согласен, смешной вопрос.
Я только сунул свой длинный нос
в эту дверь, за которой вода
стоит и мнется; туда-сюда
бегают лодки (но с них никто
рыбу не ловит, даже – Никто);
и туман покрывает зрачок,
как пух – младенческий «родничок».

IV.

Непонимание, пелена,
грация плена, ловушка сна;
яблочко жаркое там внутри,
чуть прикоснешься, скажет: гори —
не говори, поддержи ладонь,
словом только меня не тронь...
Так в палаццо Чини, смотри,
перед Парисом стоят все три.

V.

Если не хочешь туман смотреть
(хватит, смотрела считай что треть
жизни – хрусталиками в воде),
пусть будет солнце (всегда, везде).

Пусть вот сейчас в этот узкий лаз
между домами ударит – раз! —
и пойдем с золотым синяком
за самими собой гуськом.

VI.

Кто идет, кто кого ведет?
Мостик мостику пялится в рот,
а во рту шевелятся дома,
плавают окна, светится тьма.
Все представляю, как бы мы шли,
будь ты жива (ходунки? костыли?),
как по Дзяттере (100 лет в обед!)
я тащу на себе твой скелет...

VII.

Ясно – куда. Ведь зима вокруг.
Трупы носить не хватает рук.
Воду носить не хватает ног.
Берег высок, на нем – голубок.
Жирный. Откуда ты взялся тут?
Тут тебе ничего не дадут.
Ты перепутал буквы: тут – Мрак,
там, откуда ты взялся, – Марк.

VIII.

Если бы Петр святой так берёт
бёрег свой, если б вдруг напёк
и разбросал везде калачи,
а не свистел бы в свои ключи,
мы бы не ели наших детей,
мы бы не видели их костей,
но каждый пальчик (хранить в тепле)
мы б заключили тогда в стекле!

IX.

Так заключают в живой сосуд
часть святого — и вздох и уд.
Был святым, стал как кур во шах.
Тут вся мощь стоит на мощах.
В тонких колбочках, в серебре
чахнет власть, что цвела в ребре, —
исцелять, изводить врагов,
обнадеживать дураков.

X.

Но цветут пустые, как свет,

полные светом — и есть и нет —
разноцветные пузыри
(не говори, не дыши — смотри),
вздохи Дзеккина, живой стеной
стоящие на тени цветной.
И солнце, уже готовое сбечь,
похоже на стеклодувную печь.
XI.

В ней обжигается тишина
и остывает. И смерть слышна.
Здесь ее много, хватит на всех,
как стекла. Как широкий мех,
дышит она прямо в уши днем,
и головёшка горит огнем,
и пахнет жареным... А с утра
пахнет чистым бельем. Пора!

XII.

Умирать пора, говорю.
Словарю, не календарю
верь. А словарь говорит «абак»,
чуть откроешь. И ни табак,
ни кабак не в счет. Сыт и пьян,
а ползи, как полз Тициан,

и ладонями краску втира́й
в серый, уже посиневший, рай.

XIII.

Чайка кричит или колокол там?
Да хоть колокол, хоть тамтам!
Ветер лает, собака во рту
носит ла́вровую пустоту.
Горлицы жирно поют «любов»
меж кипарисных грибов и гробов.
И обнимаясь, чтоб не упасть,
сваи стоят, налакавшись всласть.

XIV.

Грех метафоры, после «семи», —
самый смертный. Пойди пойми,
как бы все было, если бы мы
видели свет без помощи тьмы.
Скучно, – как говорила ты,
не видя света... Слишком чисты
эти сны, холодны и сухи́ —
над лагуной цвёта ухи.

XV.

Кто посещает их? Да никто.
Это как в доме sor'a Никто
быть одному, тем более в
том, что строил Палладио. Вы
ходите в нем, каблуком стуча,
ищете грудь, что всегда горяча,
и вот находите, но она
уже ему, Никому, дана.

XVI.

Лучшая форма церкви – куб,
только пустой: Кааба, сруб...
В Маше Мираколи потолок —
старый рай мастеров, лубок,
а по стенам корóбки, внизу,
квантовый рай заводит в глазу
каких-то ядерных мотылей
на стыках мрамора. Так милей.

XVII.

Ни тебе лиц, ни тебе сосца,
ни тебе матери, ни отца,
ни тебе крючьев, ни стрел, ни пил,

ни висящих кишок, ни жил.
Как не жил, не пил и не ел,
не крошил у доски мелкий мел,
целый день из тоски выводя
золотое сечение дождя.

XVIII.

Вот и дождь. А за ним и туман.
А за ним – шире держи карман —
ходит голый до жил Брагадин,
за базар отвечая один,
за всемирный базар поутру.
Говорят, смерть красна на миру?
Кожа тех, кто воистину наг, —
чем вам не государственный флаг!..
XIX.

Вот тебе, бабка, мои глаза
(и святая Лючия – «за»),
вот на блюдечке голубом
с золотой каемочкой – дом.
Я в нем жил, как Иона в ките,
прямо в самом его животе,
но – просроченный, видно, товар —
он на берег меня изbleвал.

XX.

Вот сижу и думаю, кто
там ходил, будто конь в пальто
(ну, не конь, а ослик Иа)?

Я это был или не я?..

Бродят цапли, шумит камыш,
роет нору водяная мышь,
быстро ползет на берег прилив,
надо отваливать, отвалив...

XI—XII, 2017, Венеция

«Видавшему виды – тоска по зубцам...»

Видавшему виды – тоска по зубцам.
Летят гибеллинские ласточки к югу,
бомбить Колизей, и, похоже, отцам
пора подтянуть боевую подпругу.

Хождение по мукам дается легко,
когда холодает, и воздух осенний
бежит впереди, отзываясь легко
на всякое имя из доблестных брений.

На бреющем чайка на землю кладет
и с лаем уносится в море. Равенна
нас всех зарифмует у местных болот:
Равенна мгновенна и осень мгновенна.

XI—XII, 2017, Венеция

Вариация

«*Marcel, au lit!!!*»
George Perec, Variations
sur un thème
de Marcel Proust

Мы сюда, наверное, не поедем,
потому что мы и так уже здесь,
потому что мы лежим и читаем

книгу о том, как мы сюда поедем
и о том, что мы будем делать здесь,
когда мы эту книгу прочитаем.

В этой книге есть обо всем. О черных
угрях на камне, который похож
на мрамор. О градиенте ступенек,

заросших свежим полем-веронезом.
О гигантских потемневших стручках
глечидии. О бакланах, плывущих
по свежей палитре, не перепачкав
перышек. О красных морских ершах
во льду. О золотых кулёчках мумий

за стеклами вычурных домовин. О
торчащих клобуках каминных труб.
О каменных пупах на пустых кампо.

И вот мы лежим и читаем эту
книгу. Потому что врач запретил
нам вставать. И потому, что сто́ит

нам встать, как мы чувствуем головокру-
жение, и тошноту, и позыв
к рвоте. Это всё оттого, что в наших

легких больше нету воздуха комнат,
а есть ветер, встормошивший эгрет
белой цапли на крыше остановки

маршрута номер один. И пол ходит
ходуном. И по бульвару Османн
идет зеленая зимняя вода.

XI—XII, 2017, Венеция

«Слева – церковь, справа – колодец...»

Слева – церковь, справа – колодец,
сзади мост, под ним набухла вода.
Вместе с рифмой город-уродец
должен исчезнуть в ней навсегда.
Сколько благоглупостей, чуши,
всего, что способен спустить идиот,
зачато этим пупочком суши,
где все время кто-то идет
за тобой! В любой закоулок
речь заходит, как местный огуречный рассол.
Съешь же еще этих мягких французских булок
да выпей чаю. Попридержи глагол.
Слева – сердце, справа – печенка,
сзади замерзший от истрийского камня зад.
Хуже всего в этих дебрях растить ребенка,
даже если он здесь зачат.

XI—XII, 2017, Венеция

«– Мужик, те чо?..»

– Мужик, те чо?
– Силы и славы.
– Это те чо?
Это те сельпо.
Водка во вторник.

– Баба, те чо?
– Радости, жизни.
– Ты чо, село!
Здесь те не того.
Хлеб в понедельник.

– Пацан, те чо?
– Праведной смерти.
– Те чо, говно,
жить не все равно?
Кино в субботу.

– Дедка, те чо?
– Божьего гнева.
– Спятил с ума?
Бога же нема.
Махорка в среду.

– Бабка, те чо?
– Тебя, сыночек.
– Меня здесь нет.
Приходи в обед —
отруби будут.

XI—XII, 2017, Венеция

«Прекрасные ветки и медленный снег...»

Прекрасные ветки и медленный снег.
Попробуй сдержать это слово. В начале
все будет легко, но потом человек
уже состоит из говна и печали.

Послушай же холод под сводом ребра:
там вертится черный бесенок оф-бита.
И сделай лицо, будто это игра
и – что там?.. – ну, будто бы почка отбита...

И песня все та же, а в ней сатана
дрочит на холеные целые ноты;
и тихо ее напевает страна,
несущая бремя любви и заботы.

Несущая время и вымя – тебе;
бери, не смущайся, выпячивай губы...
Искусство играть на слюнявой губе
важней, чем наука выплевывать зубы.

А как же серчающий, искренний шаг
и светлая девочка рядом – свобода?
Достаточно мыслить, как ветка, как знак

последнего, голого, времени года.

Ходи как дурак, называй на ходу —
ничто не избито – зазнобу, занозу,
награду за смех – голубую звезду
и зимнего ветра ванильную розу.

Хорош амфибрахий для длинных ножей
и прочих этических «параферналий»,
для срущих за домом прекрасных бомжей,
для слов из говна и печали.

«Как научился рифмовать...»

Как научился рифмовать
квадратиком на три копейки
в бледно-зеленую тетрадь
(12 л., за две копейки),
так и рифмуешь. На бегу
тьма набивается в ботинки
(а полутьма – в полуботинки),
и ночь подобна сапогу
великой статуи Зимы,
стоящему, как Озимандий,
на перекрестке в Сумерканде,
где мы, озимые, стоим
и держим судрожно в руках
бледно-зеленые тетради,
и скучный гимн, как «бога ради»,
дрожит на рваных языках.

«Черной школьной зимой...»

Черной школьной зимой
в середине третьей
выйдешь, маленький мой,
на поля тетради
и почувствуешь, как
чернеют скулы,
и услышишь звяк
кайла на сколах.

Это серый камень
куют троцкисты,
это в коми-кеми
играют в кости,
ничего об этом
ты не узнаешь,
пахнет мерзлым потом
за гаражами.

Проходи быстрее,
проходи осторожней,
хоть лежащий строй
под ногой все тверже
и ведет туда,
где горят на черном

в четыре ряда
школьные окна.

Песни о простых людях

Good Man Has No Shape
W. S.

Мил-человек, твоя бесформенность
всегда была твоим убежищем,

где ты мог быть любым убищем
и быть, как быть, и как-нибудь;

и, как ни будь, по вечной присказке
твоей, все было хорошо, милоч,

все было плохо, ниже среднего,
и бог горчил, и падал снег

и становился грязью, ветошью,
и вечностью, и грузом очности;

и выходя курить на лестницу,
ты спотыкался: там лежал

соседа труп, с утра не убранный,
и в белый потолок подглядывал;

и было тошно, было радостно,
и, было, лыбились ебло;

и свет-дружок, почти сокамерник,
старался быть вечерним, искренним,

старался разглядеть лицо твое;
и белолобик шел на взлет...

*

Что с неба сеется, что сыплется?
Не снег, не дождь, не пламя серное —

бог крупной солью солит мясонько,
чтоб стало солоно земле,

чтоб из нее росло соленое,
тяжелое, большое мясонько,

чтоб шло, толкаясь, локти липкие
втыкая в скользкие бока, —

под свет неважный, послепраздничный,
подставить голову широкую

и чувствовать смыканье родины
над ней, садовой и седой,
и гордой, гордой, и не то чтобы
повинной, а – чего не сделаешь

для этих сисек медных, медленных,
матерых, материнских, бя:

пойдешь уродовать юродивых,
мудохать мудрых, править праведных;

так пустота сыновней нежности
родна утробной пустоте...

*

В начале жизни – парта липкая,
тьма, пахнувшая мокрой ветошью,

доска коричневая, скользкая,
немилый пот, невнятный мел,

тычки, пинки, вонь туалетная,
грязь подноготная, изустная,

грязь языка, с плевочком беленьким,
и матерок — на ветерок,

и зависть, зависть до бесчувствия —
как онанизм, и слабость отчая,
и материнское несчастье, и
тоска, и скука, и тиски,

и брусся, и большая родина,
и малая дыра родимая,

и в тесной кофте дура женская,
и в пиджаке дурак мужской,

и смерть какая-то — как вредная
привычка, два по поведению,

замена разом всех училок на
таинственных учителей...

*

Никто не знает, мы ли умерли,
а только знает: кто-то умерли, —

смотря в окно на «Специальную»...

А что смотреть? А что смотреть?

Кого-то в простыне, на прѣстыне
обоссанного и обосранного

выносят просто, даже запросто,
как будто мусор – что смотреть?

По узкой лестнице, для этого
не предусмотренной, для этого

не предназначенной, для этого
не спроектированной, бя.

Всем будет легче: детям, воздуху,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.